

Лю
Чуженьюнь

МОБИЛЬНИК

INSPIRIA

Москва

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44
Л93

手机

Copyright © 2022 by Liu Zhenyun
The Russian translation rights arranged through Rightol Media
(Email: copyright@rightol.com)

Перевод с китайского *Оксаны Родионовой*
Художественное оформление *Екатерины Петровой*

Лю, Чжэньюнь.
Л93 Мобильник / Лю Чжэньюнь ; [перевод с китайского О. Родионовой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-220270-4

Когда телефон — не просто средство связи, а оружие, меняющее язык, отношения и саму реальность.

Успешный телеведущий Янь Шоуи умеет говорить — но не умеет быть искренним. За блеском его карьеры скрываются измены, страхи и пустота, которую невозможно заглушить словами. В его жизни переплетаются судьбы женщин, друзей и случайных людей — и каждый из них по-своему теряется в мире, где разговоры больше ничего не значат.

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

© Родионова О., перевод на русский язык,
2026

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-220270-4

Первая часть

ЛЮЙ ГУЙХУА — СО СЛОВ
ТЕЛЕВЕДУЩЕГО

1

Лао Нью — сельский телефонист, в 1968 году вместе с отцом Янь Шоуи торговал луком.

До торговли луком отец Янь Шоуи не любил разговаривать. В деревне, где день начинался с восходом солнца и казался длинным, он с утра и до самого вечера мог запросто обойтись десятью фразами. В их число непременно входило шесть штук обиходных словечек. Свое восхищение, начиная с такого значительного события, как пристройка к дому, и заканчивая таким ничтожным, как появление очередного ночного горшка, Лао Янь умещал в слове «дельно». Неудовольствие он выражал фразой «Ну и дела». В остальных четырех случаях он пользовался междометиями. При этом радовался он или злился, реакция была одной: «Твою мать». Но, взявшись за торговлю луком, Лао Янь стал более разговорчив. Прошло каких-то полгода, и он даже мог рассказать целую историю. Янь Шоуи помнит, что тогда в арсенале у его отца имелось две такие истории: одна — про тефтели, а другая — про рисовое печенье.

«Один человек перед Новым годом отправился на базар продавать «духов ворот», охраняющих дом

от нечистой силы¹. Рядом с ним оказался торговец гороховыми тефтелями. Человек купил у него четыре цзиня² тефтелей, а торговец по знакомству отвесил ему шесть цзиней. Человек не заметил, как одну за другой слопал все тефтели. Встал было с места, как — бац! — и копыта отбросил».

Другая история такая:

«У одного человека в сезон сбора пшеницы пропала корова. Два дня он бродил по округе, не нашел. Голодный, он пошел обратно в деревню и встретил у околицы знакомого продавца сладостей. «Продай, — говорит, — братец, мне пять цзиней рисового печенья в долг». Съел он все печенье, вернулся домой и с порога попросил у жены воды. А едва выпил, как — бац! — и копыта отбросил».

Когда-то эти истории Янь Шоуи вовсе не казались смешными, но, вспоминая их в сорок лет, он всякий раз смеялся. Сначала Янь Шоуи думал, что отец научился разговаривать благодаря постоянному общению с покупателями. Только позже он узнал, что говорить его научил один человек, тот самый Лао Ню. По вечерам, когда вся семья собиралась на кухне за ужином, отец вдруг ни с того ни с сего мог прыснуть со смеху и, покачав головой, сказать: «Ох уж этот Лао Ню».

¹ Бумажные изображения двух божеств, которые наклеивают на ворота накануне Нового года, чтобы уберечь дом от всякого зла. — *Здесь и далее прим. пер.*

² Один цзинь равен 500 г.

Янь Шоуи понимал, что в такие минуты отец весь уносился мыслями к Лао Ню и своему луку. Тогда Янь Шоуи казалось, что торговля луком — это лучшее, что может быть на свете.

В декабре 1968 года, в день зимнего солнцестояния, Лао Ню вместе с Лао Янем, завершив торговлю, возвращался из угольной шахты в Чанчжи, что находилась за двести ли от дома¹. Проезжая деревню Лао Яня, Лао Ню заглянул к ним домой. До своей встречи с Лао Ню Янь Шоуи представлял его рослым, разговорчивым, со звонким голосом. На деле же оказалось, что тот едва выше стола, а из его рта, напоминавшего рот Лэйгуна², вырывались какие-то женоподобные звуки. Доведись раньше Янь Шоуи представить себе встречу с Лао Ню, он бы наверняка стусевался. Он и подумать не мог, что Лао Ню робко улыбнется ему, одиннадцатилетнему мальчишке, снимет шапку-ушанку и вытрет ею выступившую на лбу испарину. Лао Янь пригласил Лао Ню пройти выпить воды. Но когда Янь Шоуи попытался было тоже присоединиться, Лао Янь вдруг пнул его в живот и остерег: «А ну, катись отсюда, сопляк!»

Взрослые уединились в комнате, и Янь Шоуи так и не услышал, про что говорил Лао Ню. Из случайных обрывков фраз он лишь узнал, что столько-то раз они останавливались в дороге на перекус

¹ Один ли равен примерно 500 м.

² В китайской мифологии — бог грома.

да столько-то корма съел их осел. Потом, кроме бесконечных прихлебываний, он так ничего и не услышал. Ну а когда Лао Ню отправился со своим запряженным в тележку ослом дальше, Лао Янь объявил домочадцам: «Говорить умеет, но сегодня не говорил».

Двадцать третьего числа предновогоднего месяца отец Янь Шоуи, прихватив с собой свиной окорок, направился в деревню к Лао Ню, чтобы заодно подбить их счета за год. Утром его настроение было хоть куда, а вечером он возвратился мрачнее тучи. Усевшись на пороге дома, он долго пыхтел трубкой. Наконец, когда три яркие звезды на небосводе склонились к западу, он встал и, звучно постучав трубкой по макушке, заявил: «Я буду последним идиотом, если снова поеду продавать лук!»

Янь Шоуи рано потерял мать, она умерла от голода в шестидесятом году, так что жили они с бабушкой. От нее-то он и узнал на следующий день про ссору отца с Лао Ню во время дележки доходов. С тех пор как отец распрощался с луком и Лао Ню, он, как и прежде, ходил понурый и замкнутый.

У Янь Шоуи был дядя — муж тетки со стороны матери, звали его Лао Хуан. У себя в деревне он открыл красивую мастерскую. Когда пришла весна, Лао Хуан предложил Лао Яню ходить по соседним деревням и собирать полотно. Но тот лишь покачал головой:

— Для такого занятия требуется зазывала, это не про меня.

— Что, ты не сможешь крикнуть: «Красильня из деревни Хуанцзячжуан!»?

Но Лао Янь снова покачал головой и не согласился.

Весной 1989 года у отца Янь Шоуи обнаружили в мозгу тромбоз сосудов. Старик начал забываться, левая половина тела обездвижилась. Но, в отличие от большинства людей, у которых при этом вообще отказывает речь, Лао Янь пусть и заикаясь, но все-таки строил целые предложения. Кроме того, в отличие от больных, теряющих память, Лао Янь мог во всех деталях вспомнить свою жизнь, на что не был способен, даже будучи здоровым. В конце года Янь Шоуи вернулся из Пекина в родную деревню в провинции Шаньси, чтобы встретить вместе с родными Новый год. Вся семья собралась за праздничным ужином. Расселись по всем правилам: наполовину разбитый параличом Лао Янь — лицом к западу, Янь Шоуи — лицом к северу, и как-то так вышло, что разговор зашел о Лао Нью, о том, как в 1968 году они вместе с отцом продавали лук и как потом рассорились, не поделив деньги. И тогда Лао Янь поднял вверх здоровую правую руку и, тряся ладонью, прерывисто, с большим трудом вымолвил:

— Он подделал счета!.. Где говорят деньги, там молчит совесть!

— Друзьям лучше вообще не стоит вместе заниматься бизнесом, — обронил кто-то за столом.

А Лао Янь ответил:

— Нечестную дележку я, так уж и быть, стерпел. Двадцать третьего числа перед Новым годом

мы целый день подбивали счета, и к вечеру я, взяв свою долю, собрался домой. Выйдя за порог, я вдруг опомнился, что мы не решили, в какой день после праздников снова поедem торговать. Тогда я вернулся во двор и тут услышал, как Лао Ню говорит своей жене: «Этот Лао Янь — идиот конченный...» Не из-за денег я с ним порвал, а из-за этой фразы.

Сказав это, старик залился слезами:

— Никто со мной в этой жизни не водился, а тут нашелся единственный человек, и тот обозвал идиотом конченным! — Тыча себе в грудь, Лао Янь добавил: — Тошно мне от всего этого.

Летом 1995 года у отца Янь Шоуи случился повторный инсульт, рот его съехал набок, и старик стал пускать слюни. С тех пор и до самой смерти он уже не разговаривал.

Лао Ню после разрыва с Лао Янем тоже забросил торговлю луком. В 1969 году в их селе установили первый рычажковый телефон, и Лао Янь устроился на почтовое отделение телефонистом. В то время на это место претендовало двадцать с лишним человек. Тогда заведующий почтой Шан Сюэвэнь, чтобы их усмирить, созвал всех желающих и объявил:

— Для телефониста главное — уметь орать во всю глотку. Сейчас каждый из вас попробует поорать, а я выберу.

Двадцать с лишним человек начали поочередно драть глотки, в результате лучшим крикуном признали Лао Ню. И неважно, что голос у него оказался женским, зато в селпо напротив от его крика полопались стекла. К тому же кричал он не только

громче всех, но и дольше всех. Шан Сюэвэнь даже успел зажечь и выкурить целую папиросу, а Лао Нью все продолжал орать. Наконец Шан Сюэвэнь его остановил и изрек: «Хорош, уже ишака перекричал!»

В 1996 году Янь Шоуи стал ведущим телевизионного ток-шоу «Хочешь? Говори!». Когда он превратился в звезду экрана, вся страна восприняла это как должное, и лишь жители деревни Яньцзячжуан недоумевали: «Как же, твою мать, так случилось, что этого человека, чей отец произносил в день не больше десяти фраз, кормит его язык?»

2

В 1968 году Янь Шоуи дружил с одним мальчишкой, которого звали Чжан Сяочжу. Янь Шоуи родился в год Петуха, поэтому тогда ему как раз исполнилось одиннадцать, а Чжан Сяочжу, рожденному в год Обезьяны, — двенадцать. Голова Чжан Сяочжу напоминала скошенную тыкву, а тонкие руки и ноги — конопляные стебли. Тяжелая, словно жернов, его голова все время свешивалась набок. Правый глаз когда-то был поранен стеклом, поэтому, прежде чем что-то рассмотреть, он всегда тер левый глаз. Мать у Чжан Сяочжу была слабоумной, а отец добывал уголь на шахте в Чанчжи за двести ли от их деревни Яньцзячжуан, поэтому можно сказать, что Чжан Сяочжу жил у бабушки. Янь Шоуи вообще рос без матери, у Чжан Сяочжу мать что была, что не было, поэтому частенько мальчишки ходили в школу вместе. В 1968 году отец Чжан Сяочжу привез

ему из той самой Третьей шахты Чанчжи списанный шахтный фонарь. Но если ночью в него вставляли уже отработанный аккумулятор, то все было видно на расстоянии двух ли окрест. Ночи в деревне хоть глаз выколи, и мальчишки, вооружившись этим фонарем, шли на горный склон за деревней и прямо на небе чертили светом иероглифы. Чжан Сяочжу нравилось писать «Мама, ты — не дурочка», а Янь Шоуи — «Мама, ты где?». Эти две строчки могли продержаться на черном экране небосвода до пяти минут.

Школа в деревне Яньцзячжуан размещалась в бывшем коровнике. Их учителя звали Мэн Цинжуй. В пятнадцатый день восьмого месяца по лунному календарю¹ Мэн Цинжую понадобилось съездить на деревенскую ярмарку. Он запер учеников в школе, дав им задание кое-что выучить наизусть. Несколько мальчишек — Янь Шоуи, Чжан Сяочжу, Лу Гоцин, Цзян Чангэнь и Ду Техуань — выбрались из небольшого проема в задней стене, откуда раньше вычищали навоз, скинули обувь, засунули ее за пояса и помчались через речушку на другой склон горы воровать арбузы. В их деревне за арбузами присматривал глуховатый Лао Лю. Сперва Янь Шоуи с товарищами собирался украсть арбузы, но, подбравшись к шалашу сторожа и заглянув внутрь, они увидели, как Лао Лю собирает в котелок с кипятком сбросить полную крышку пельменей. Тогда-то им и пришла мысль вместо арбузов своро-

¹ Праздник середины осени.

вать пельмени. Янь Шоуи вместе с Цзян Чангэнем побежал на бахчу делать вид, что ворует арбузы. Лао Лю выбежал из своей сторожки за ними, а в это время Чжан Сяочжу, Лу Гоцин и Ду Техуань выудили шумовкой из котелка все пельмени и, положив их в закатанные подолы, побежали обратно за склон, где стали дожидаться Янь Шоуи с Цзян Чангэнем. Янь Шоуи был единственным, кто не поел пельменей. Лао Лю не удалось поймать Цзян Чангэня, зато он поймал Янь Шоуи. После обеда к расследованию этого дела приступил Мэн Цинжуй. Янь Шоуи, не дожидаясь, пока учитель возьмет портновский бамбуковый метр и как следует отстегает ему ладони, выдал своих четырех сообщников: Чжан Сяочжу, Лу Гоцина, Цзян Чангэня и Ду Техуаня. Вечером, когда остальные ученики отправились домой, Янь Шоуи и эти четверо, поставленные к стене, все еще отбывали наказание. Луна в эту ночь пятнадцатого числа восьмого месяца взошла во всей своей красе. Мэн Цинжуй, смакуя привезенный с ярмарки лунный пряник, сказал:

— Вы после пельменей сытые, так что вам по силам простоять до завтрашнего утра, а потом все на занятия.

С тех самых пор Янь Шоуи, пока ходил в школу, так и не решался поднять головы. Он стыдился не того, что участвовал в краже, а того, что выдал товарищей. Больше всего на Янь Шоуи ополчился Чжан Сяочжу:

— Ладно бы других выдал, но ведь я его друг, как он мог предать меня?